УДК 94(100)“1914/19” + 327.51 + 930.85 + 94(430) + 94(470) **С. В. Рыбаков**

К ВОПРОСУ О РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В КАНУН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья носит полемический характер. Она посвящена состоянию российско-германских отношений накануне Первой мировой войны. Раскрывая эту тему, автор одновременно проводит мысль о том, что предпосылки к началу Первой мировой войны накапливались в течение всего XIX в. и что они были во многом связаны с царившей в Германии идеологической атмосферой.

Ключевые слова: российско-германские отношения, Первая мировая война, «меморандум Дурново», социал-дарвинизм, пангерманизм, колониальная экспансия, милитаризм, экономическая конкуренция, Германский рейх, Антанта, Россия

Летом 2014 г. исполнилось сто лет с момента, когда началась Первая мировая война. Обсуждение ее характера, причин, явных и скрытых мотивов до сей поры не утратило актуального звучания. Немаловажным вопросом в контексте такого обсуждения являются предвоенные отношения между Россией и Германией. Среди современных российских историков единодушия в подходах к их оценкам нет. Некоторые авторы утверждают, что между двумя странами серьезных противоречий не было и что в создавшейся в начале XX в. международной обстановке союз с Германией мог бы быть для России полезным.

Из известных широкой аудитории авторов такой позиции придерживается А. Б. Широкорад. Он пишет: «Давайте обратимся к очевидным фактам. Наши политики и историки пытаются превратить немцев в заклятых врагов России. На самом деле немецкий народ всегда был потенциальным союзником Руси. Природа и Бог сделали Россию и Германию естественными союзниками против их исконных врагов — поляков и французов. Экономических причин войны с Германией тоже не было» [17]. Точка зрения А. Б. Широкорада подкреплена ссылками на «меморандум Дурново» — аналитическую записку, адресованную в феврале 1914 г. членом Государственного совета России П. Н. Дурново царю Николаю II.

© Рыбаков С. В., 2015

В преддверии военного катаклизма в Европе известный политик говорил о том, что Россия должна избежать столкновения с Германией.

В части историографии «меморандуму Дурново» даются весьма высокие оценки. Так, свой пиетет к этому документу удостоверил О. Г. Назаров, усмотревший в нем «впечатляющий глубокий и всесторонний анализ-прогноз» [10, *3*]. Статья О. Г. Назарова, посвященная записке Дурново, носит название «Забытое пророчество». Но для историков эта записка вовсе не является каким-то секретом. Опубликованная в журнале «Красная новь» в 1922 г., она была доступна для всех, кто желал с нею ознакомиться. Интерес к ней объясняется тем, что часть прогнозов, высказанных Петром Николаевичем Дурново, воплотилась в реальность. В частности, он точно предсказал, что предстоящая мировая война «неизбежно будет протекать в невиданных размерах» и «потребует огромных расходов», а «главная тяжесть войны выпадет на нашу долю» [6, *188*], т. е. на долю России. Дурново предвидел, что войну наша страна встретит недостаточно подготовленной в силу нехватки тяжелой артиллерии, пулеметов, крепостных сооружений, железнодорожных вагонов [Там же, *189*].

Был он прав и в том, что Россия не должна стремиться к присоединению Галиции — «области, потерявшей с отечеством всякую живую связь» [Там же, *190*]. Особое впечатление на читателей «меморандума Дурново» производит предсказание «неминуемой социальной революции» в ее «самых крайних проявлениях», которые в России выльются в «беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению» [Там же, *197*]. Тот факт, что эти прогнозы оказались верными, порождает невольное искушение трактовать весь документ как исключительно правильный и безошибочный.

Такое искушение не обошло стороной и А. Б. Широкорада, выдвинувшего тезис о «естественности» союза между Россией и Германией. Применительно к Первой мировой войне этот тезис может означать признание желательности участия России в ней на стороне Германии, и получается, что Широкорад пошел дальше Дурново, который отнюдь не призывал воевать на стороне Германии, а хотел, чтобы Россия вовсе не участвовала в войне. Однако, отвечая на вопрос, как она могла бы избежать такого участия, Дурново ограничился благим пожеланием: «Германия должна пойти навстречу нашим стремлениям восстановить испытанные дружественно-союзные с нею отношения и выработать... такие условия нашего с нею сожительства, которые не давали бы почвы для противогерманской агитации» [Там же, *191*].

Понять Дурново нетрудно, но с международными реалиями начала XX в. его позиция согласовывалась слабо. Берлинских стратегов мало интересовали его размышления о «дружественно-союзных отношениях» с Германией. Он был прав лишь в отвлеченном, абстрактном смысле, ибо ход событий в значительной степени зависел от германских стратегических планов, а они были воинственно наступательными. С этой точки зрения «меморандум Дурново» нельзя назвать совершенно безошибочным. Петр Николаевич утверждал: «Война Германии не нужна. ...Жизненные интересы Германии и России нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства двух государств» [Там же, *189*].

Но было ли возможным «мирное сожительство» России и Германии в 1914 г.? И были ли они «естественными союзниками», как утверждает А. Б. Широкорад? Нельзя точно и правильно ответить на эти вопросы, рассматривая российско-германские отношения как статическую картинку, а не как живой процесс, подверженный изменениям во времени.

В XIX в. был период, когда Россия являлась не только союзницей, но и покровительницей немецких государств. После разгрома Наполеона Александр I проявлял заботу о благополучии Пруссии и Австрии, идя навстречу пожеланиям их правителей. Эта забота принесла обеим немецким державам немалые выгоды в виде присоединения к ним обширных территорий, в результате чего и Пруссия, и Австрия существенно усилились. В 1815 г. монархи России, Австрии и Пруссии образовали Священный союз. Акт о его создании, составленный по инициативе Александра I, обязывал трех венценосцев «подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь» [13, *279*].

В Санкт-Петербурге ревностно оберегали дух и букву Священного союза — порою даже вопреки долгосрочным геополитическим интересам России. Так, летом 1849 г. Николай I, откликнувшись на просьбу австрийского императора Франца-Иосифа I, отправил в Австрию армию под командованием фельдмаршала И. Ф. Паскевича для подавления венгерского восстания, вспыхнувшего против австрийской короны. Николай был уверен, что этот шаг превратит Франца-Иосифа в надежнейшего союзника России. Но он заблуждался: когда началась Крымская война, Венский двор занял антироссийскую позицию, поставив свои политические расчеты выше клятв верности Священному союзу.

Пруссия партнерские отношения с Россией сохраняла несколько дольше, чем Австрия, и извлекла из них очевидную пользу: объединение Германии под эгидой Пруссии стало возможным лишь благодаря лояльной позиции России. Немецкий философ и публицист Эрнст Никиш отмечал: «Наиболее успешные немецкие политики на своем опыте убедились, что плодотворную для Германии политику можно проводить, только сотрудничая с Россией. ...Без русской поддержки основать Империю Бисмарку не удалось бы» [11, *315*].

Перелом в отношениях между Германией и Россией произошел в 1879 г., когда в Берлине решили ввести ограничения на российский хлебный экспорт. Тем самым партнерский характер двусторонних отношений был поставлен под сомнение, однако, несмотря на возникшие трения, русский царь Александр III не отказался от диалога с правительством Германии. В 1887 г. он подписал германо-российское соглашение, в дипломатическом обиходе названное «договором перестраховки». Стороны обязывались соблюдать нейтралитет при вступлении одной из них в войну с третьей державой. Пока договор действовал, отношения между Россией и Германией продолжали считаться партнерскими.

В июне 1888 г. кайзером Германии стал Вильгельм II. Свое правление он начал с подписания откровенно милитаристского манифеста, первые его публичные речи были наполнены шовинистическими лозунгами. Тогдашний глава германского правительства Отто фон Бисмарк, вошедший в историю как объединитель Германии, неодобрительно воспринял воинственную риторику Вильгельма, полагая,

что она насторожит и оттолкнет от Германии другие страны, что в конце концов навредит самой Германии. Разногласия с кайзером вынудили Бисмарка уйти в отставку. Те, кто занимал пост канцлера после него, старались Вильгельму не противоречить.

В 1890 г. Вильгельм II отказался продлить договор перестраховки. Александр III, не желая оставлять Россию в международной изоляции, пошел на заключение политического союза с Францией, после чего в Берлине о русских заговорили уже как о противниках. Германия принялась выдавливать российский зерновой экспорт из Швеции, Норвегии, Бельгии, Голландии, замещая его собственными поставками. Немецкая хлеботорговля стала преобладать над русской даже в Финляндии, входившей в состав Российской империи. Торговая экспансия Германии подрывала потенциал российского сельского хозяйства. Между Россией и Германией возникло немалое напряжение, и не замечать его было невозможно.

П. Н. Дурново признавал наличие проблем в российско-германских отношениях: «Не подлежит сомнению, что действующие русско-германские торговые договоры невыгодны для нашего сельского хозяйства и выгодны для германского». Признавал он и то, что при заключении этих договоров «интересы русского земледелия» были принесены в жертву, а «Германия использовала удачно сложившуюся для нее обстановку, то есть попросту прижала нас» [6, *191*]. Сделав такие признания, Дурново, как ни странно, попытался оправдать поведение немцев: «...поведение это не может учитываться как враждебное и является заслуживающим подражания актом здорового национального эгоизма» [Там же].

Еще более странным явилось его утверждение о «заинтересованности Германии в поддержании производительных сил нашей родины» [Там же, *194*]. Здесь логика Дурново дала сбой, который может быть объяснен тем, что свою записку он адресовал Николаю II, при котором и были заключены невыгодные для России торговые договоры с Германией. Защита Россией собственных экономических интересов требовала от правительства твердой воли и последовательности действий. Николай II этими качествами в полной мере не располагал. Ему было трудно копировать политический стиль его решительного отца Александра III, в ответ на ужесточение Германией внешнеторговой политики поднявшего таможенные тарифы на ввозимые в Россию товары с 13 до 28 % [19]. Этой мерой Александр III поддержал российских промышленников и аграриев, улучшив условия для повышения темпов экономического развития России.

В сложившейся к началу XX в. системе международных хозяйственных связей Россия имела свои собственные, вполне определенные интересы. Она занимала место ведущего экспортера сельхозпродукции, объем которой превышал 50 % российского экспорта. Еще 40 % составляли сырьевые товары — уголь, нефть, железная руда [Там же]. Самые удобные маршруты российского экспорта проходили через Черное и Средиземное моря, и российское правительство проявляло заинтересованность в беспрепятственном прохождении экспортных грузов через эти акватории. Но проливы Босфор и Дарданеллы контролировала Турция, которую всячески «обхаживала» Германия, стремившаяся сделать ее своей близкой союзницей. Немцам хотелось вытеснить Россию с международного хлебного

рынка, чтобы самим занять ее место. Утверждение Дурново о том, что Германия была «заинтересована в поддержании производительных сил нашей родины», расходилось с реальными фактами.

Пафос «меморандума Дурново» был бы оправдан, если бы Германия сотрудничала с Россией на условиях равноправия и взаимоуважения. Но германскому кайзеру Вильгельму II не хотелось соблюдать эти условия. Он был настроен враждебно к России (хотя и не только к ней одной), что далеко не в последнюю очередь объяснялось его взглядами, сформированными царившей в Германии на протяжении всего XIX в. идеологической атмосферой. Тогда на состояние немецких умов немалое влияние оказывали учения, пропагандировавшие социальное, расовое и этническое неравенство.

В начале XIX в. идею о предопределенном неравенстве внутри человечества распространял прусский философ Гегель, разделивший народы Земли на «исторические» и «неисторические». К «неисторическим», не вписывающимся в «ряд обнаружений разума в мире», он, кроме прочих, отнес и славян. Гегель говорил о неизбежности конфликтов между разными нациями. В центр нарисованного им мироздания он поместил «германский дух» как «дух нового мира, цель которого заключается в осуществлении абсолютной истины» [3, *18, 319, 323, 330*]. Тем самым «абсолютной истине» была придана национально-этническая окраска, а значение нравственно-этических факторов в истории отрицалось. Прусский философ уверял, что «всемирная история совершается в более высокой сфере, чем та, к которой приучена моральность, совесть индивидуумов», что «великая личность, служащая воле мирового духа», имеет право «растоптать иной невинный цветок, сокрушить многое на своем пути» [Там же, *31, 64*].

Гегелевская философия, поддержанная верхами Пруссии, прочно обосновалась в стенах германских университетов и гимназий. В умы немецкой молодежи внедрялось представление об истории как о борьбе наций. Оно связывалось с оправданием насилия, со скепсисом по отношению к нравственным императивам. Гегельянство расходилось с гуманистическими идеями, питавшими творчество таких выдающихся представителей немецкой и мировой культуры, как Иоганн Себастьян Бах, Людвиг ван Бетховен, Иоганн Вольфганг Гёте, Фридрих Шиллер, братья Гримм.

В первой половине XIX в. составление философских схем в Германии опиралось не столько на творчество гуманистов, сколько на изыскания анатомов. С идеей расово-физиологической неравноценности людей выступил профессор биологии из Кёнигсберга Карл-Фридрих Бурдах. Его книга «Антропология, или Рассмотрение человеческой природы с различных сторон» дала толчок увлечению европейцев антропометрическими замерами черепов, проводимыми для выявления соответствий расовым «эталонам», представленным Бурдахом.

Использование биологии в социологических доктринах вышло на новый виток после создания англичанином Чарльзом Дарвином учения о естественном отборе и борьбе биологических видов за существование. Хотя это учение основывалось на данных, полученных из мира живой природы, Дарвин не исключал, что оно может касаться и социального бытия: «В недалеком будущем, возможно, цивилизованные расы целиком вытеснят или уничтожат все варварские расы

в мире» [5, *293*]. По убеждению адептов иерархических общественных моделей, дарвиновская теория доказывала, что жесткое соперничество между людьми является неотменяемым законом бытия. На стыке философии и биологии возник социал-дарвинизм — учение, нацеленное на придание абсолютного статуса конкурентной борьбе между людьми, а также на утверждение превосходства отдельных социальных групп, наций, рас.

Во второй половине XIX в. расизм и социал-дарвинизм приобрели обширное влияние. Их спайка нашла отражение в вызвавшей скандальный ажиотаж книге англичанина Хьюстона Стюарта Чемберлена «Основы девятнадцатого века», выпущенной в Германии. Вильгельм II являлся поклонником Чемберлена, книгу которого он восхвалял как «монографию величайшей важности» [14].

С симпатией Вильгельм относился и к приверженцу крайних форм расизма Йергу Ланцу фон Либенсфельсу, прославлявшему идею «расовой чистоты» и доказывавшему, что нордическая раса должна находиться в строгой обособленности от «обезьяноподобных, неполноценных, бесполезных, презренных недочеловеков — гоблинов». В книге с названием «Теозоология» Ланц призвал к стерилизации представителей «низших рас» [7].

Вильгельм II стремился найти практическое применение идеям социал-дарвинизма, заявив о себе как о большом энтузиасте колониальных захватов. Впрочем, в Берлине намерения обзавестись обширными владениями в Африке, в бассейне Тихого океана, в Южной Америке громко озвучивались еще до коронации Вильгельма. В 1884 г. под имперский контроль были взяты немецкие коммерческие фактории в Намибии, Того и Камеруне, еще через год германскими колониями объявили Танзанию, Бурунди и Руанду. При Вильгельме II в колониальный реестр Германии попали Новая Гвинея в Океании, острова в Тихом океане, китайский город Циндао, часть Самоа.

Но всего этого кайзеру было мало. Он замыслил проект «Великая Германия», призванный значительно увеличить территорию рейха на Европейском континенте. Кроме того, он поддержал план своих советников, направленный на создание зон германского влияния в Передней Азии. Весомым шагом к осуществлению этих замыслов стало строительство немцами Багдадской железной дороги. В 1898 г. Вильгельм устроил помпезную поездку на Ближний Восток, вызвав на себя критические стрелы в российской и британской прессе.

В 1900 г. канцлером Германии стал Бернгард-Генрих-Карл-Мартин фон Бюлов, привлекший внимание Вильгельма II горячей поддержкой идей пангерманизма и мирового господства германской нации. В канун назначения на должность фон Бюлов, выступая в рейхстаге, заявил: «Мы не потерпим, чтобы какая-то иностранная держава, какой-то иноземный Юпитер сказал нам: “Что поделать? Мир уже поделен!”. Мы не хотим никому мешать, но мы и не позволим никому стоять у нас на пути. Мы не будем пассивно стоять в стороне, тогда как другие делят мир. Мы не можем и не хотим этого терпеть. Мы имеем интересы во всех частях света. ...Мы требуем создания Великой Германии» [9].

Плацдармом для распространения своего влияния в Европе берлинские стратеги считали Австро-Венгрию, тесное партнерство с которой давало Германии

возможность продвигаться к политической гегемонии в Центральной Европе. В 1879 г. два государства создали военно-политический альянс, и не случайно именно в том году Германия отошла от партнерства с Россией. Создатели германо-австрийского союза назвали его союзом центральных держав. Это наименование должно было подчеркнуть и особое геополитическое положение двух стран, и их «центральную» роль в определении судеб мира.

Сближению Германии и Австрии способствовала идеология пангерманизма, нацеленная на гегемонию немецкой нации. Культурно-языковое родство германцев и австрийцев ставилось выше всех других идей и принципов. Первые пангерманские кружки занимались изучением древнегерманской истории и мифологии. Но эти рамки оказались тесными для пангерманизма, и его сторонники заговорили о «Великой Германии». Пангерманизм быстро превратился в идеологию «освоения» немцами славянских и прибалтийских земель, выраженную лозунгом «Дранг нах остен» («Напор на восток»). Другой излюбленной темой у пангерманистов стали колониальные захваты за пределами Европы. Идеология пангерманизма превратилась в жгучую смесь милитаризма, расизма, национализма, шовинизма и ксенофобии.

После объединения Германии зазвучали голоса сторонников мирового доминирования новой империи, сделавших особую ставку на военную силу. Они добились влияния во властных эшелонах, и благодаря их требованиям шел непрерывный рост численности германской армии. Если в момент образования Германской империи под ружьем там находилось 315,6 тыс. человек, то к 1890 г. — уже 510,3 тыс. [1, *45*]. Непрерывно возрастали и военные расходы рейха, с момента его создания до начала мировой войны увеличившись в пять раз. В 1896 г. Вильгельм II распорядился начать создание крупного военно-морского флота, способного противостоять британским морским силам. На верфи в Киле было запущено строительство линкоров, крейсеров, эсминцев, оборудованных по последнему слову тогдашних технологий. Началось проектирование подводных лодок, и лучшие проекты быстро внедрялись в производство.

Наблюдая за этими тенденциями, Фридрих Энгельс писал в 1888 г.: «Для Пруссии — Германии невозможна теперь уже никакая иная война, кроме всемирной войны. И это будет всемирная война невиданного раньше масштаба, невиданной силы» [20, *361*]. А в 1905 г. о неизбежности мировой войны заявил уже начальник германского генштаба Альфред фон Шлифен, составивший план развертывания войск на два фронта — против Франции и против России. Он полагал, что масштабы войны можно отрегулировать заранее, и уверял кайзера: если все требования генералов будут выполнены, то война продлится недолго и завершится триумфальной победой немцев.

Мысль о неотвратимости войны распространялась в немецком обществе, подхлестывая новые всплески экзальтированного национализма. Военные в Германии стали вести себя как каста небожителей, демонстрируя свое «мессианское» величие. В газетах, в проповедях лютеранских пасторов, в лекциях университетских профессоров французы и русские представлялись воплощением сатанинского начала, а немцы — инструментом Страшного суда, готового по воле небес

обрушиться на врагов рейха. Множились призывы «очистить» предстоящую войну от «излишнего» гуманизма.

Германия превращалась в единый военный лагерь, организованно и дисциплинированно готовясь к боевому столкновению с геополитическими конкурентами. В немецком обществе того времени возражения против милитаризации страны если и звучали, то быстро заглушались с помощью административных мер. Значительная часть немецкой интеллигенции курс на гегемонию Германии вполне одобряла. Так, известный социолог и политэконом Макс Вебер публично заявил о своей поддержке «политики создания мировой державы» [18, *128*].

Правящая верхушка Германии рассчитывала удовлетворить свои гегемонистские амбиции, достигнув превосходства германской экономики над экономиками других стран. Чтобы успешно запустить стратегию, направленную на выигрыш в мировом экономическом соревновании, нужны были немалые финансовые средства. «Стартовый капитал» был выбит у Франции после войны 1870–1871 гг. Наложенная на нее контрибуция в 5 млрд франков по тем временам составляла огромную сумму. Франция напрягла усилия, чтобы как можно быстрее избавиться от неприятных обязательств, а германское правительство полученные деньги пустило на железнодорожное и промышленное строительство. Темпы прокладки железных дорог позволили в короткие сроки связать все области Германии густой транспортной сетью, а масштабы заводского строительства быстро превратили страну сначала в единое экономическое пространство, а затем и в индустриального колосса.

Повсеместно использовались элементы государственного планирования. Промышленность и сельское хозяйство получали госзаказы и госкредиты. Особый упор делался на развитие тяжелой промышленности, в первую очередь машиностроения. Германское правительство монополизировало железнодорожную сеть, выкупив в казну почти все частные железные дороги. Оно стремилось держать под контролем движение банковского капитала. Ядром экономической политики в Германии был строгий протекционизм, составивший основу социально-политической и управленческой модели, названной в политэкономии «государственно-монополистическим капитализмом». Правительство и промышленники уделяли повышенное внимание научно-техническим достижениям.

Реализация экономических программ в Германии, хотя и шла в целом успешно, не была застрахована от сбоев и неувязок. Капитаны германской индустрии самый короткий путь к высоким прибылям видели в непрерывном наращивании экспорта, часто увеличивая его за счет беззастенчивого демпинга. Собственный же рынок немецкие промышленники хотели оградить от наплыва иностранной продукции. Откликаясь на их запросы, правительство Германии раз за разом повышало ввозные таможенные пошлины, тем самым внося во внешнеэкономический курс чрезмерную жесткость. К примеру, в 1893 г. оно резко повысило пошлины на российское зерно, и российский хлебный экспорт за три года упал более чем на 40 % [2].

Немецкий капитал упорно рвался на мировые рынки. Повышение его воинственности было продиктовано нарастанием дефицита сырья. Чтобы поддерживать

динамику экономического роста в Германии, нужно было в немалых количествах ввозить железную руду, цветные металлы, нефть, хлопок и многое другое. Зависимость от сырьевого импорта досаждала немецким бизнесменам, привлекала их внимание к отличиям германской системы хозяйствования от британской и французской, жизнеспособность которых поддерживалась за счет эксплуатации колоний. Передовые технологии обеспечивали германской индустрии динамизм, но не спасали ее от разнообразных рисков. Ликвидацию этих рисков в Берлине связывали с наращиванием вооружений и опорой на силу.

В развитии германской экономики возникли очевидные перекосы. Милитаризация страны требовала все новых и новых затрат. Раскрутившийся маховик военных расходов вел госбюджет к хроническому дефициту, который рано или поздно должен был взорвать либо германскую экономику, либо раздутый военно-технический потенциал. Поскольку первый вариант германскую верхушку никак не устраивал, получалось, что она стала заложницей собственной милитаристской политики. Алгоритм выбранной в Германии военно-политической и экономической стратегии по сути дела превращал германскую агрессию, а с нею и мировую войну, в неизбежность.

Другим странам по отдельности тягаться с германским протекционизмом, отличавшимся особой твердостью и педантизмом, было не так-то просто, но в противостоянии ему они могли объединять усилия. Таможенная война, начатая Вильгельмом II против России и продемонстрировавшая русским, что ему добрые отношения с ними не нужны, стала лучшим стимулом для заключения ими военно-политического союза с французами, также испытывавшими большие неудобства от ограничительных мер со стороны Германии. Существенным было и то, что после поражения в войне с Пруссией Франция нуждалась в надежном союзнике, и Россия, граничившая с немецкими территориями, подходила к этой роли как нельзя лучше: Германия, главный противник французов, оказывалась в географических тисках между Францией и Россией.

До объединения Германии французы и русские плохо ладили между собой, но с появлением мощного Германского рейха расклад сил в Европе обновился, и между прежними неприятелями возникло взаимное геополитическое притяжение. Ему содействовала шовинистическая риторика германского кайзера Вильгельма II. Россия и Франция подписали военную конвенцию, нацеленную на совместные действия против Германии и Австрии, заложив основу будущего военно-политического союза под названием «Антанта».

Другой осью Антанты стал альянс Великобритании и Франции. К нему политики и дипломаты двух стран продвигались в течение нескольких лет, осторожно тестируя друг друга и постепенно преодолевая остатки взаимного недоверия, сохранявшегося по инерции со времен Бонапарта. Стереть отзвуки былых антагонизмов и взаимных претензий англичанам и французам помогло опять же воинственное поведение Германии. Их донимали постоянные претензии с ее стороны по поводу колоний. Лондон и Париж, пойдя на взаимные уступки, договорились о разделе между собой сфер колониального влияния. В апреле 1904 г. англо-французское союзное соглашение было подписано.

Наличие франко-британского и франко-русского союзов не означало единой связки между тремя странами. Французам хотелось составить общий союзный треугольник, но этому препятствовали геополитические трения между Англией и Россией, дававшие о себе знать на Дальнем Востоке, на Кавказе, в Центральной Азии, в Тибете. Эти трения портили отношения двух стран на протяжении всего XIX и в начале XX в. В Санкт-Петербурге единого мнения о сотрудничестве с англичанами не было. Противников британской ориентации возглавлял сам царь Николай II. К ним принадлежал и Петр Дурново, не видевший от сотрудничества с Англией никакой пользы для России: «Трудно уловить какие-либо реальные выгоды, полученные нами в результате сближения с Англией. ...Англия к принятию широкого участия в континентальной войне едва ли способна» [6, *183*].

Николай II и Дурново имели основания не доверять Туманному Альбиону, антироссийские действия которого во время Русско-японской войны сыграли пагубную для России роль. Неудивительно, что после окончания той войны Николай II стал склоняться к поиску компромисса с Германией. Однако компромисс с нею мог быть только тактическим, временным, поскольку немцы с их идеей «Дранг нах остен» на долгосрочные, стратегические соглашения с Россией идти не собирались, хотя и не отказывали себе в удовольствии поиграть с нею в хитроумные дипломатические игры. Кайзер Вильгельм II, носитель идей пангерманизма, открыто признавался: «Я ненавижу славян. Знаю, что это грешно, но я не могу не ненавидеть их» [15, *127*].

В 1904 г., видя, что российская дипломатия находится в состоянии поиска, кайзер переслал в Санкт-Петербург проект соглашения, в котором речь шла об оказании помощи при нападении на Россию или Германию третьей стороны. Если бы этой стороной оказалась конфликтовавшая с немцами Франция, то перед русскими возникла бы неразрешимая дилемма. В Зимнем дворце не нашли ничего лучшего, как предложить немцам провести консультации с Францией. Ответ был предсказуемо отрицательным. Рассуждая отвлеченно, Санкт-Петербург мог бы, наверное, отвернуться от Парижа, но в реальности решиться на это было крайне сложно: Франция была главным и притом весьма щедрым кредитором России. Французские займы помогли российской казне профинансировать расходы на войну с японцами. На этом фоне рвать отношения с Францией было непорядочно и попросту глупо.

Летом 1905 г. Вильгельм II повторил попытку склонить Николая II на сторону Германии. Будучи кузенами, монархи нашли общий язык. Николай даже подписал проект соглашения с немцами, но петербургские министры потребовали от него отзыва своей подписи и в конце концов добились этого. Они исходили из того, что Париж оказывал России финансовую помощь, а Берлин проводил недружественную таможенную политику, на фоне которой обещания, даваемые Вильгельмом Николаю, выглядели сомнительной риторикой.

В Лондоне демарш русских министров оценили как добрый знак. Британские политики принялись подчеркивать свое расположение к русским. Как раз в это время министром иностранных дел России стал А. П. Извольский, сторонник сближения с Британией, и англо-российские переговоры быстро продвинулись

вперед. Всем было понятно, что отказ Петербурга от сотрудничества с Англией внес бы в европейские коалиционные комбинации изрядную путаницу. Германия и Франция относились друг к другу как непримиримые антагонисты, и поддерживать одинаковые отношения с ними было чрезвычайно сложно. С другой стороны, Англия и Франция заключили союз, и конфликтовать с Англией, оставаясь близким партнером Франции, было не вполне логично. После достижения компромисса в подходах к спорным вопросам, касавшимся интересов сторон в Персии и Афганистане, англо-российское соглашение было подписано. Летом 1907 г. Антанта обрела форму полноценного политического треугольника.

Правители Германии своей воинственной риторикой и враждебными действиями настроили против себя и Россию, и Англию. Известный американский дипломат и историк Генри Киссинджер писал: «Германия умудрилась способствовать невероятной перемене альянсов. В 1898 г. Франция и Великобритания были на грани войны из-за Египта. Враждебные отношения между Великобританией и Россией являлись постоянным фактором международных отношений почти на всем протяжении XIX в. ...Никому тогда и в голову не пришло бы, что Великобритания, Франция и Россия в итоге выступят на одной стороне. И все же под воздействием настойчиво-угрожающей германской дипломатии именно это и случилось» [8, *150–151*].

Складыванию Антанты в немалой степени способствовали и экономические соображения: с 1871 по 1914 г. общий объем германского производства увеличился на 470 %, тогда как во Франции за то же время этот показатель вырос на 203 %, в Англии — на 127 % [4, *54*]. Соседям-конкурентам трудно было угнаться за темпами развития Германии. При этом и во Франции, и в Англии осознавали, что отставание промышленного роста приведет к сдаче позиций не только в экономическом, но и в геополитическом соревновании. Российскому правительству такие заботы также не были чужды.

Каждая из стран Антанты уступала Германии и по величине военных расходов. Вынужденные участвовать в гонке вооружений, французы, англичане и русские составляли соответствующие организационные планы и технические проекты. Но эти планы и проекты требовали масштабных затрат и определенного резерва времени. Время и было главным дефицитом, справиться с которым к августу 1914 г. правительствам стран Антанты в полной мере не удалось, поскольку немцы, опасаясь растерять свои военно-технические преимущества, стремились ускорить развитие событий.

Заваривать конфликты внутри Европы Берлин поручил австрийцам. Те не заставили себя долго упрашивать и в 1908 г. объявили об аннексии Боснии и Герцеговины, где большинством населения были сербы. Ситуация на Балканах резко обострилась. Сербия расценила австрийскую аннексию как грубое нарушение своих национальных интересов и обратилась за помощью к России. Российская дипломатия, пытаясь отстоять сербские интересы, организовала консультации с внешнеполитическими ведомствами разных стран. При этом она действовала не слишком настойчиво, и немцы усмотрели в этом проявление слабости. В марте 1909 г. Берлин ультимативно потребовал от русских признать австрийский захват

Боснии и Герцеговины. Российское правительство, испытывая неготовность к эскалации конфликта, вынуждено было пойти на уступки Германии. В Берлине праздновали дипломатическую победу, амбиции немцев заметно возросли.

В 1910 г. в Германии появилась книга «Германия и следующая война». Ее автор, генерал Фридрих фон Бернарди, учил своих немецких читателей, что история предначертала Германии быть великой мировой державой, а раз так, то немцы должны сломить сопротивление всех, кто противится этому предначертанию. Генерал, как и следовало ожидать, отдал дань социал-дарвинизму: «Война является биологической необходимостью, это выполнение в среде человечества естественного закона, на котором покоятся законы борьбы за существование». Германия, вещал Бернарди, стоит перед выбором «между мировым господством и падением», и завоевания для нее «становятся законом необходимости» [15, *76*].

Весной 1911 г. правящие круги Германии решили проверить на твердость французов, потребовав от них раздела Марокко и направив в Средиземное море канонерскую лодку. Французские верхи, в отличие от петербургского двора, не дрогнули и пообещали ответить на угрозы военными средствами. Немецко-французский конфликт едва не дошел до вооруженной схватки. Ее остановило заявление Лондона о решительной поддержке Франции.

В 1912 г. интересы Антанты и австро-германского блока вновь столкнулись на Балканах, где союз в составе Болгарии, Греции, Сербии и Черногории нанес поражение Турции, лишив ее европейских владений — за исключением Стамбула. Усиление стран Балканского союза, курируемого русской дипломатией, никак не устраивало Германию и Австрию, тотчас же заявивших о правах на «турецкое наследство». Немцы помогли младотурецкой партии устроить государственный переворот в Стамбуле. Младотурки возобновили военные действия на Балканах, но их соперники, опиравшиеся на поддержку Антанты, были сильнее. Англичане, французы и русские получили возможность укрепить свои позиции на Балканах. Венский двор сильно заволновался.

Австрия и Германия решили перетянуть на свою сторону Болгарию, подтолкнув ее к войне против греков и сербов. В июле 1913 г. вспыхнула вторая Балканская война. Болгария проиграла. Против нее выступили также и турки, отобравшие у болгар Восточную Фракию. Стараниями австро-германской дипломатии, однако, и Болгария, и Турция остались в сфере немецкого влияния.

Балканские войны не разрубили узел противоречий на юго-востоке Европы, а, напротив, раскалили тамошнюю обстановку до предела. Отношения между двумя военными блоками, полностью сложившимися как раз в дни балканского кризиса, крайне обострились. Для вспышки боевых действий между ними теперь хватило бы любой случайной искры.

Этой искрой стало убийство австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда, совершенное 28 июня 1914 г. сербскими националистами в аннексированном австрийцами Сараево. Правительство Сербии не имело никакого отношения к теракту, но Австрия поспешила воспользоваться моментом, чтобы предъявить Сербии максимум претензий и аннексировать ее так же, как Боснию и Герцеговину в 1909 г. В защиту Сербии выступила Россия. Германские стратеги только

и ждали этого момента, чтобы объявить России войну. А. Б. Широкорад, имея в виду те события, пишет: «Увы, до сих пор мы не знаем, зачем Россия вступила в эту войну. За бедных сербов, не согласившихся с требованием Австро-Венгрии на проведение расследования на сербской территории убийства эрцгерцога Фердинанда силами австрийской полиции?» [17].

Как видно, дело подается так, что если бы Россия ради дружбы с немцами отказалась от поддержки «бедных сербов», то избавила бы себя от всех внешнеполитических проблем и могла бы остаться в стороне от мировой войны. Подобный подход является очевидным упрощением. В 1909 г. российское правительство с действиями австрийцев в Боснии и Герцеговине смирилось. Могло ли оно смириться и во второй раз, не высказав честного отношения к грабительскому поведению самоуверенных захватчиков?

Николай II хотел лишь остановить поглощение Сербии Австрией, явно не горя желанием ввергать Россию в мировую войну. 15 июля 1914 г. он написал своему кузену Вильгельму II письмо: «В этот чрезвычайно серьезный момент я прибегаю к твоей помощи. Слабой стране объявлена гнусная война. Возмущение в России, разделяемое мною, безмерно. ...Прошу тебя во имя нашей старой дружбы сделать все, что ты можешь, чтобы твои союзники не зашли слишком далеко» [12, *393–394*]. Царь с его представлениями о благородстве надеялся на «арбитраж» кайзера, не догадываясь, что именно этот ненавистник славян и подтолкнул австрийского императора к «гнусной войне» против сербов.

Еще 5 июля Вильгельм заверил австрийцев в своей готовности начать войну против России. Уже распорядившись начать скрытую мобилизацию германской армии, кайзер ответил Николаю, что употребит все свое влияние, чтобы воздействовать на австрийцев. Он лицемерил перед царем, одновременно потешаясь над ним: на австрийцев он, конечно, влиял и воздействовал, но так, чтобы результаты были обратными тому, на что рассчитывали русские. Вильгельм II стремился к войне.

Войны желали и его подданные, основательно обработанные шовинистической пропагандой. «Немцы упиваются счастьем... Радостно вновь осознавать себя живыми, — писали германские газеты в начале августа 1914 г. — Мы так долго ждали этого часа... Меч не будет вложен в ножны, пока мы не добьемся своих целей и не расширим для себя территорию, как этого требует необходимость» [15, *186*]. В течение всего XIX столетия Германия шла по пути, на котором «созревала» для войны. И вот, наконец, она «созрела» и рвалась в бой.

П. Н. Дурново, говоривший о том, что России стоило бы воздержаться от войны с Германией, испытывал дефицит аргументов. В частности, он приводил такой довод: «Избытка населения, требующего расширения территории, у нас не ощущается» [6, *195*]. Но в Санкт-Петербурге никто и не замахивался на немецкие земли. Речь могла идти только о прямо противоположном — о том, чтобы отстоять российские территории от посягательства со стороны Германии. Исполнившись духом воинственности, ее правящая элита вслух вспоминала о том, что входившая в состав Российской империи Прибалтика когда-то принадлежала немцам — рыцарям Ливонского ордена. Желая «исправить» историю, Теобальд

фон Бетман-Гольвег, в 1909 г. ставший рейхсканцлером Германии, вещал: «Россия должна быть отброшена в Азию и отрезана от Балтики; с Францией и Англией мы всегда сможем договориться, с Россией — никогда» [16, *40*]. В Берлине выстраивали планы по отторжению от России огромной территории, включавшей в себя не только Прибалтику, но и Польшу, Финляндию, Украину, Дон, Кубань, Кавказ. Эти планы подпитывали распространявшиеся в Германии лозунги «исторического превосходства немцев над славянами».

Россию ставили в жесткие условия, вынуждая ее защищать свои коренные интересы, и неучастие России в войне могло означать либо отказ оборонять свои территории и добровольное признание «прав» Германии на них, либо пассивную оборону, не связанную с деятельным участием в антигерманской коалиции. На «благотворности» второго варианта настаивает А. Б. Широкорад: «Расположив свои армии за тремя линиями крепостей, Россия могла стать той обезьяной, которая залезла на гору и с удовольствием наблюдала схватку тигров в долине. Потом, когда “тигры” изрядно бы потрепали друг друга, Россия могла бы начать большую десантную операцию в Босфоре... А захватив проливы — единственную достойную цель России в войне, — Николай II мог бы выступить и в роли миротворца, став посредником между воюющими державами» [17].

Представленный «сценарий» может показаться весьма привлекательным. Но мог ли он осуществиться на самом деле? Получила бы Россия Босфор, не принимая реального участия в войне? Кто бы ей его отдал — немцы или англичане с французами? Если на то пошло, приобретение Россией Босфора вместе со Стамбулом — Константинополем как раз и предусматривалось соглашениями с союзниками (правда, при условии признания независимости Польши, но этот вариант русских, так или иначе, устраивал). При этом никто не собирался преподносить России в подарок ни Босфор, ни Константинополь, их требовалось добывать в бою.

Тезисы А. Б. Широкорада плохо согласуются с тем, что происходило в действительности. Если бы русские армии отсиживались «за тремя линиями крепостей», то уже в сентябре 1914 г. Франция оказалась бы на грани катастрофы и была бы оккупирована немцами. Французов спасло наступление тех самых русских армий в Восточной Пруссии, заставившее немецкий генштаб перебросить часть сил с западного фронта на восточный. Что случилось бы, если бы французы не выдержали напора германских войск? Разбив Францию, Германия завладела бы ее промышленностью, и тогда немецкий промышленный потенциал многократно превзошел бы возможности российской промышленности. А как после падения Франции повела бы себя Англия? Вполне возможно, что Россия осталась бы одна против мощной вражеской коалиции, и ее победа была бы крайне проблематична, ведь в 1914–1915 гг. экономика России даже при поддержке союзников с трудом выдерживала военную нагрузку.

Тезис А. Б. Широкорада о том, что Россия в тогдашних условиях могла бы стать «той обезьяной, которая залезла на гору и с удовольствием наблюдала схватку тигров в долине», не выдерживает критики. Стать «обезьяной-арбитром» ни Россия, ни какая-то иная из европейских держав не могли. Может быть, кто-нибудь в Европе и рад был бы оказаться в этой бесхлопотной и удобной роли, однако

добиться этого не позволял географический фактор. Европейский континент являлся авансценой острейшей конкурентной борьбы, и все крупные европейские страны были обвиты сложными противоречиями и взаимозависимостями, не позволявшими им спокойно отсидеться в стороне от военной заварухи.

Из амбициозных игроков, свободных от пут европейской географии, на вакансию «неспешной и мудрой обезьяны» могли претендовать Япония и США. Но претензии Японии, доля которой в мировом промышленном производстве в то время была едва заметна, не могли выйти за рамки пожеланий. Другое дело — Соединенные Штаты, после Гражданской войны 1861–1865 гг. совершившие бесподобный рывок в индустриально-технологическом развитии. Имея внушительный экономический задел, США могли находиться на своей безопасной заокеанской «горке», наблюдая за жаркой европейской бойней, давшей им счастливую возможность осуществить стратегический замысел, нацеленный на превращение в величественную империю, контролирующую весь мир.

Трудно спорить с тем, что участие в мировой войне Российская империя оплатила слишком дорого: для нее война закончилась крахом. Очевидно, что, если бы ей удалось избежать такого участия, то ход российской истории был бы иным, скорее всего, менее драматичным. Помыслы тех российских политиков, которые хотели воплотить в жизнь мирный сценарий, понятны и заслуживают уважения. Проблемой было и остается лишь то, что такой сценарий не устраивал германских и австрийских милитаристов во главе с их правителями. И здесь остается лишь констатировать, что, развязав бойню, два не в меру воинственных режима сами похоронили себя.

Что касается России, то в Первой мировой войне она выглядела вполне достойно. Понеся немалые жертвы, русские армии выполнили свои союзнические обязательства и сорвали разработанный в немецких штабах план «блицкрига», способствуя переводу войны в позиционное русло, отдававшее преимущество Антанте. Во многом благодаря самопожертвованию русских Англия и Франция в конце концов одержали верх над германо-австрийским блоком. Если мы хотим знать историю, то нам нужно помнить об этом самопожертвовании.

---

1. *Бонвеч Б., Галактионов Ю. В.* История Германии : в 2 т. М., 2008. Т. 2.

2. Великая война, 1914–1918 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://greatwar1914.ru/index.php (дата обращения: 09.08.2014).

3. *Гегель.* Философия истории // Соч. : в 13 т. М. ; Л., 1935. Т. 8.

4. *Гольштейн И., Левина Р.* Германский империализм. М., 1947.

5. *Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой отбор. М., 1953.

6. *Дурново П. Н.* Записка // Красная новь. 1922. № 6. С. 182–199.

7. Йерг Ланц фон Либенсфельс [Электронный ресурс]. URL: http://bookre.org/reader?file=358996 (дата обращения: 29.07.2014).

8. *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997.

9. Мир в начале XX века [Электронный ресурс]. URL: http://freepapers.ru/6/mir-v-nachale-20-veka/113623.733459.list3.html (дата обращения: 02.08.2014).

10. *Назаров О. Г.* Забытое пророчество // Настоящее прошлое : прил. к «Литературной газете». 2014. 7 мая.

11. *Никиш Э.* Жизнь, на которую я отважился. Встречи и события. СПб., 2012.

12. Николай II — Вильгельму II, 15/28 июля 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма : сб. док. : в 10 т. М., 1935. Т. 1.

13. Полное собрание законов Российской империи, 1815–1816. Собрание первое : в 45 т. СПб., 1830. Т. 33.

14. *Саркисянц М.* Английские корни немецкого фашизма [Электронный ресурс]. URL: http://www.redov.ru/istorija/angliiskie_korni_nemeckogo_fashizma/index.php (дата обращения: 03.08.2014).

15. *Такман Б.* Августовские пушки. М., 1972.

16. *Уткин А. И.* Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск, 2000.

17. *Широкорад А. Б.* Столетие Великой войны. Факты против мифотворчества политиков [Электронный ресурс]. URL: http://nnm.me/blogs/Dmitry68/stoletie-velikoy-voyny-fakty-protiv-mifotvorchestva-politikov-2/ (дата обращения: 20.07.2014).

18. *Шульце Х.* История Германии. М., 2004.

19. Экономика Российской империи [Электронный ресурс]. URL: http://spravka.coolreferat.com/vopros/37 (дата обращения: 28.07.2014).

20. *Энгельс Ф.* Введение к брошюре С. Боркхейма «На память ура-патриотам 1806–1807 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. : в 50 т. М., 1961. Т. 21.

Рукопись поступила в редакцию 10 сентября 2014 г.

УДК 94(100)“1939/45” + 94(470)“1941/1945” + 94(520)“1946” **К. Г. Муратшина**

РОССИЯ — КНР: КИТАЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ВТОРОЙ МИРОВОЙ, ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И АНТИЯПОНСКОЙ ВОЙН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматривается проблема формирования в КНР и распространения в мировом информационном пространстве специфически китайской трактовки истории Второй мировой войны, Великой Отечественной войны советского народа и антияпонской войны Китая, а также вопроса о роли Советского Союза и Китая в победе над нацизмом, фашизмом и милитаризмом и помощи Советского Союза Китаю в борьбе против японских агрессоров. Выявляются конкретные особенности китайского подхода, дается объяснение их возникновению. Ситуация прослеживается в динамике и на основе значительного количества источников.

Ключевые слова: РФ, КНР, интерпретация истории, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, антияпонская война.

В рамках российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия один из ведущих партнеров РФ на современном этапе, Китай, предложил свой взгляд на историю Великой Отечественной и Второй мировой войн и обеспечение победы над нацизмом. Это специфически китайский взгляд, он имеет свои особенности, с течением времени претерпевает определенные изменения. Попробуем разобраться в его особенностях, исходя из анализа следующих

© Муратшина К. Г., 2015